

РАЗГАРЕ репетиции «Третьей патетической» Николой Погодиной режиссер — постановщик Михаил Николаевич Кедров говорит мне:

«Мысли Ленина, как проектор, освещают будущее. Он исходил из каждого факта, от каждой мысли людей, с которыми встречался».

Наверно, чтобы до конца понять ценность этого режиссерского подсказа, нужно видеть репетицию, ее атмосферу, глаза моих партнеров. Сейчас это рабочие завода, куда Владимир Ильич приехал в 1922 году, прослышав, что на этом заводе нашли секрет новой плавки. Больной человек, которому запрещено работать, настал на этой поездке — не мог не поехать...

В пьесе Погодина нет сцен, в которой рассказывается о том, как принял Ленин решение ехать на завод, как его отговаривали и как он все-таки настоял на своем. Но мне, актеру, это хорошо известно, мною это прожито, и не в тексте — в самочувствии своем я приношу с собой на сцену и болезнь Ильича, и его негасимый оптимизм, и праздничное предчувствие главного — живого общения с рабочими людьми.

После нескольких лет перерыва мы восстанавливаем «Третью патетическую». Наверно, у кого-то создается впечатление, что в Художественном театре лишь «вспомогательные» спектакли, который уже шел, лишь собирают воедино его части. В действительности это не так. За два года многое изменилось и вокруг нас — в жизни страны, в наших будущих зрителях, в нас самих. Мы не «восстанавливаем», но создаем новый вариант спектакля. И для меня, много работавшего над образом Владимира Ильича в «Третьей патетической», сегодня появляется масса «белых листов», на которых нужно «писать» образ заново.

Б. В. Щукин после успеха фильма «Ленин в Октябре», о котором современники писали, что это «художественное произведение, потрясающее по силе документальной правдивости», тревожно делился с режиссером М. И. Роммом: «Если когда-нибудь мне придется еще играть Ленина — я буду играть его совсем по-другому». Так и было: в фильме «Ленин в 1918 году» мы увидели неповторимо новое художественное решение образа Владимира Ильича, которое дал тот же актер. Но после этого Щукин говорил: «Вот в третьем ленинском фильме я, наконец, надеюсь дать настоящий образ...»

И М. М. Штраух, один из моих любимых актеров, никогда, ни разу за тридцать лет работы над созданием театрально-кинематографической Ленинины не повторил однажды найденного в неисчерпаемом этом характере.

Означает ли это, что выдающиеся актеры ленинской темы всякий раз прибегают к какой-то интерпретации образа? Нет, здесь — другое. И об этом, другом, самом главном в Ленинии, мне хочется подумать сегодня.

С детства в сердце каждого советского человека живет Ленин. Владимир Ильич как бы заново проживает жизнь с нами.

Вместе с Лениным мы мысленно приходим в первые рабочие марксистские кружки, участвуем в маевке ссыльных социал-демократов в Минусинском крае, тревожимся за него в дни последнего подполья и торжествуем, взволнованно восстанавливая каждый час его деятельности в исторические сутки 24—25 октября 1917 года... С ним мы в Горках преодолеваем тяжелую болезнь во имя великого дела, в заботах о будущем первого в мире социалистического государства трудящихся... Мы скорбим, знакомимся с документами январских дней 1924 года. И все-таки постоянно ощущаем живое присутствие Владимира Ильича в нашей жизни. Здесь

— не мистика и не символ. Здесь — неоспоримый факт активного участия ленинской мысли в каждом нашем деле, в каждом событии сегодняшнего дня, которое глубоко и верно мы раскрываем с помощью Ленина.

Естественно, что советский актер, который смотрит на мир глазами современника, но современника-ленинца, приносит в образ Владимира Ильича нечто от сегодняшней своей взволнованности миром и людьми. Потому-то и образ Ленина на сцене и на экране в каждой серьезной работе актера над новым произведением на ленинскую тему требует много подхода и много воплощения, чем вчера.

Меня, например, глубоко волнует сейчас тема великого бескорыстия, которое явили миру поколения первооткрывателей Советского государства. В пьесе того же Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты» я вдруг по-иному услышал реплику рабочего-трамвайщика: «Упадем, полежим, подыдемся и опять падем...». Я услышал ее и своим гражданским, и своим человеческим слухом, и сердцем Ленина.

Борис СМЕРНОВ,

народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

МОЙ ЛЕНИН

Как гражданин я не могу оставаться безучастно-спокойным, когда слышу или читаю о людях, позволяющих себе использовать служебное положение для личной наживы. И слова старого рабочего из погдинской пьесы звучат для меня обвинением в адрес таких людей. Как человек я слышу ободрение в этих словах: в последний год мне пришлось перенести продолжительную болезнь, от которой до сих пор еще не оправился. И, наконец, в недолгие минуты, пока идет сцена ночной беседы Ленина с трамвайщиками, я вспоминаю, как Владимир Ильич настойчиво повторял, что он не имеет права быть больным.

Я стараюсь раскрыть то, что в просторечии именуется «лабораторией» актера. Как видите, это не просто мастерство, это сама жизнь во всех ее сложностях и противоречиях, во всем, чем встревожен и обрадован сегодня я, артист Смирнов, и прежде всего Смирнов — человек и гражданин.

Углубляясь в ленинские сочинения не только для работы над образом, но и в поисках ответов на первостепенные вопросы жизни, я вижу, что процесс ломки прошлого и создания новых, социалистических и коммунистических принципов отношений между людьми грандиозен, что если экономически социализм одержал окончательную победу, то борьба за нравственные качества человека социалистического общества еще не завершена. И сейчас в новой постановке спектакля «Третья патетическая» на сцене МХАТа я по-другому произношу слова, которые раньше «пробрасывал» в невольном эмоциональном запале: «...Старое бьет нас бескультурьем, мешанством, бюрократизмом, взяткой, чванством, ленью...». Я стремлюсь обострить в сценическом образе Ленина черты аналитика, но не холодного — страстного аналитика и переустроителя жизни.

Вот почему мне так понятен и нужен режиссерский «подсказ» М. Н. Кедрова: «Мысли Ленина, как проектор, освещают будущее. Он исходил из каждого факта, от каждой мысли людей, с которыми встречался...»

Режиссер стремится раскрыть в спектакле все через призму человековедения, через общение действующих лиц с Владимиром Ильичем и в тех сценах, где люди встречаются с Лениным, и в тех, где о Ленине говорят. Погдинская пьеса позволяет это сделать. Я вижу в ней истинно шекспировские сочетания красок, а мне,

в молодые годы много игравшему в пьесах Шекспира, особенно близко и понятно, как переплетаются в одном и том же событии, в одном образе черты трагического и радостно-комедийного, быт и категории крупнофилософские.

Живое общение с людьми помогает В. И. Ленину увидеть за неуклюже-комическим фактом — старый мастер предложил постелить в цехе ковер к приходу Ильича — и сатирическую сущность явления, и его опасную сторону: враги большевиков тотчас же подхватят и раздуют этот, внешне безобидный и комичный эпизод, используют его в своей клеветнической пропаганде. Шекспировски сложно отношение Владимира Ильича к старому мастеру-литейщику — с одной стороны, инициатору встречи с ковром, с другой — автору знаменитой плавки стали, которая по качеству не уступает рурской. Ленин и мягко высмеивает его поступок, и журит его за старорежимный ковер, и вместе с тем восхищается мастерством, творчеством этого человека: «Какая глыбища этот мастер!».

От своего имени — от имени советского художника, я стремлюсь в «Третьей патетической» оспорить тех, кто пытается классовую борьбу переквалифицировать на борьбу националистическую или так называемую «общечеловеческую». Мне кажется, что вот такие кристально простые мысли, сказанные со сцены, сегодня особенно важны. Никто из нас не может пройти мимо сегодняшней драмы народа Китая, варварской агрессии Израиля на Ближнем Востоке, западно-германского реваншизма. Трилогия Н. Погодина ясно утверждает идею классовой борьбы, ее приоритет во всяких политических конфликтах.

В нашей работе над спектаклем о Ленине мне всего дороже чувство глубокого коллективного взаимопонимания и взаимодействия. Не случайно М. Н. Кедров так подробно и тщательно, так подолгу работает над сценой на заводе — самой массовой сценой спектакля. Он насыщает жизнью, богатейшей биографией каждого актера, участвующего в этой сцене. Он ищет вместе с ними индивидуальное отношение к Лени-

насыщенно и правдиво жить в образе, когда у тебя нет ни авторского текста, ни возможности выявить характер крупно, на «первом плане» сцены.

Я приношу великую благодарность мхатовским актерам, мастерам народной сцены в «Третьей патетической», без которых никогда не смог бы приблизиться к серьезному воплощению ленинского образа. И мне бывает горько читать добрые слова в свой адрес, когда самые доброжелательные критики и публицисты забывают о прямых моих соавторах — от режиссера спектакля и до актера, исполняющего самую «маленькую» роль.

Работая над образом Ленина, всякий раз радуешься трудностям. Я бы сказал так: чем эти трудности кажутся непреодолимее, тем больший подъем испытываешь, ведя творческий поиск. Может быть, это происходит под непосредственным влиянием ленинской личности, от того увлечения борьбой, которое испытывал Владимир Ильич на крутых поворотах истории...

Особая радость, особое, ни с чем не сравнимое чувство гражданского и творческого

Сцена из спектакля МХАТа «Третья патетическая». В центре — Б. А. СМЕРНОВ в образе Владимира Ильича ЛЕНИНА.

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

Сцена на заводе, пожалуй, самая любимая мною как актером в этом спектакле. Меня увлекает ее размах, ее удивительная насыщенность жизнью, ее стремительное и точное развитие от комедийно-сатирической тональности до высокой героики, до жаркой публицистичности.

— Нам бы проводить заседания с такой организацией... Вот что нам надо снизу и доверху! — восклицает Владимир Ильич после величественного зрелища плавки.

И сегодня, в годы обостренной, не знающей компромиссов идеологической борьбы, в которой наши враги стремятся атаковать самое коренное — коммунистическое мировоззрение, — я ощущаю необычайный духовный взлет, произносю в образе В. И. Ленина замечательные слова: «...Вся наша надежда, все наше будущее... — в пролетариате, в котором никогда нельзя обмануться».

ну: не от персонажа — от себя, актера, конкретного, сегодняшнего человека. И меня, исполнителя роли В. И. Ленина, режиссер просит:

— Я до конца поверю вам только тогда, когда вы каждого из актеров увидите и оцените конкретно, когда вы сможете мне рассказать, кто и как реагировал в сцене с вами. И о тех, кто стоит перед вами, и о тех, кто сзади, и о тех, кто стоит наверху, на лестнице и площадке.

Это требование Кедрова очень помогло и мне, и моим партнерам. Играть народную сцену очень трудно. Труднее, чем играть роль с текстом, опираясь на сюжет, на развитие характера в событиях. В гастрольной поездке за границу мне приходилось участвовать в народных сценах вместе с такими мастерами, как А. О. Степанова и А. П. Кторов. И все втроем мы пришли к заключению, что это труднейшее актерское дело:

удовлетворения испытываю я на спектаклях мхатовской Ленинины, встречаясь с волнением зрительного зала, который всякий раз взрывается праздничным подъемом, едва лишь на сцене появляется Ленин. Я испытываю счастье от слияния с сотнями людей, которые разделяют мое высочайшее уважение и восхищение великим образом, богатейшей личностью гения.

Даже в странах капиталистического Запада, где зрители реагируют на выход актера в роли Ленина далеко не одинаково: часть зала — восторженно, другая — сдержанно, — мне приходилось испытывать то же чувство удовлетворения: к середине спектакля даже враги не могут победить чувство симпатии к светлому образу нашего Владимира Ильича.

И я говорю: «Мой Ленин», вкладывая в эти слова то же содержание, которое вложил Владимир Маяковский в слова «моя революция».